

Annotation

David Herbert Lawrence. The Horse Dealer's Daughter.

Перевод с английского Ларисы Ильинской.

- [Дэвид Герберт Лоуренс](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Дэвид Герберт Лоуренс

•

Дочь барышника

Рассказ

— Ну, Мейбл, а ты как собираешься? — с глупой небрежностью спросил Джо. За себя он не волновался. Не дожидаясь ответа, он отвернулся и сплюнул табачную крошку. За себя он был спокоен, а прочее его не интересовало.

Три брата и сестра сидели за столом с остатками завтрака, пытались изобразить нечто вроде семейного совета. Утренняя почта подвела последнюю черту под их разорением: все было кончено. Сама столовая — мрачная, с тяжелой, красного дерева мебелью — и та, казалось, обреченно ждала конца.

Семейный совет проходил вяло. Трое мужчин, развалившись вокруг стола, обменивались неопределенными репликами о своем положении, и чувствовалось почему-то, что все это — впустую. Девушка держалась особняком, невысокая, хмурая, лет двадцати семи. Братья жили своей жизнью, она — своей. Она была бы хороша собой, но безучастная — «бульдोजья», по выражению братьев, — неподвижность портила ее лицо.

Снаружи донесся нестройный конский топот. Мужчины, все так же развалившись на стульях, повернули головы к окну. За темными кустами остролиста, отделяющими полосу газона от дороги, показалась кавалькада — это со двора выводили на прогулку лошадей. Выводили в последний раз, последних лошадей, которым суждено было пройти через их руки. Братья проводили их критическим и отчужденным взглядом. Привычная жизнь рушилась, и это их пугало, ощущение надвигающейся беды лишало их внутренней свободы.

А между тем на вид все трое были молодцы хоть куда. Старший, тридцатитрехлетний Джо, полнокровный и сильный, был по-своему красив. Его щеки пылали, глаза беспокойно перебегали с предмета на предмет, полные пальцы пощипывали смоляной ус. Чувственный рот его в улыбке открывал зубы, и по всему было видно, что он глуповат. Сейчас он

проводил лошадей остекленелым от бессилия взглядом, как бы пришибленный неизбежностью своего падения.

Могучие ломовые лошади прошествовали мимо. Вчетвером, связанные голова к хвосту, они мерно шли туда, где от большой дороги отходила тропа, с пренебрежением шлепая огромными копытами по черной жидкой грязи, покачивая крутыми крупами и неожиданно переходя на рысь за несколько шагов до развилки, когда сворачивали за угол. В каждом их движении угадывалась тяжеловесная дремотная мощь и тупость, которая удерживала их в ярме. Конюх впереди оглянулся, дернул повод — и процессия скрылась из виду за поворотом. Только тугой, упругий хвост последней лошади то и дело показывался из-за кустов, пружиня в лад мощному крупу, пока они покачивались за неподвижной изгородью.

Джо следил за ними безнадежным взглядом. Для него лошади были точно часть его собственного тела. Точно часть его самого отнимали у него вместе с ними. Хорошо, что он обручен с женщиной одних с ним лет, и поэтому ее отец, служащий управляющим в соседнем имении, позаботится о том, чтобы обеспечить ему место. Он женится и впряжется в упряжку. Жизнь кончена, отныне он — подневольная рабочая скотина.

Он с трудом оторвал взгляд от окна, слыша, как замирает в отдалении эхо конских копыт. И тотчас с глупой суетливостью сгреб с тарелок обрезки ветчинной кожицы и, присвистнув, бросил их терьеру, лежащему у каминной решетки. Он следил, как собака глотает их, дожидаясь, покуда она заглянет ему в глаза. Слабая, бессмысленная усмешка тронула его губы, и тонким глупым голосом он сказал:

— Когда-то тебе еще перепадет ветчинки? Верно я говорю, маленькая сучка?

Собака уныло помахала хвостом, понурилась и, сделав круг по комнате, снова улеглась на полу.

Над столом в который раз повисло беспомощное молчание. Джо явно томился, но медлил уходить, пока семейство не закончит совещаться. Фред Генри, средний брат, живой, подтянутый, держался прямо. Он хладнокровнее смотрел вслед уходящим лошадям. Может быть, и он, подобно Джо, тоже был животным, но не из тех, которыми помыкают. Он сам умел подчинять своей воле других, мог обуздать любого коня. Казалось, от него веяло уверенной силой. Однако в сложных жизненных ситуациях он становился беспомощным. Он расправил над верхней губой рыжеватые жесткие усы и раздраженно покосился на сестру, сидящую с непроницаемо безучастным видом.

— Поедешь и поживешь у Люси первое время, да? — спросил он.

Девушка не отозвалась.

— Не знаю, что тебе еще остается, — настаивал Фред Генри.

— Можно пойти в прислуги, — коротко вставил Джо.

Девушка не шевельнулась.

— Я бы на ее месте пошел учиться на сестру милосердия, — сказал Малькольм. Он был младший в семье, двадцатидвухлетний, со свежей, задорной мордашкой.

Мейбл не слышала его. Так много лет их речи витали в воздухе, не задевая ее, что она давно перестала обращать на них внимание.

Мраморные часы на камине мягко пробили полчаса; собака тяжело поднялась с коврика и поглядела на людей, собравшихся за столом. А они все сидели, тщетно пытаясь что-нибудь решить.

— Ладно, — вдруг сказал Джо. — Пойду-ка я, пожалуй.

Он отодвинул стул, развел рывком колени, высвобождая их на лошадиный манер, и широко шагнул к огню. Но все-таки не уходил из комнаты, любопытствуя, что будут делать и говорить другие. Он принялся набивать трубку, поглядывая на собаку и приговаривая неестественно тонким голосом:

— Со мною собралась идти? Со мною, а? Только путь-то у нас сегодня будет подлиннее, чем ты рассчитываешь.

Собака слегка завилыла хвостом; Джо выдвинул вперед челюсть и, зажав трубку в ладонях, сосредоточенно запыхтел, отдаваясь табачному дурману и не сводя с собаки отсутствующих карих глаз. Собака отвечала ему скорбным, недоверчивым взглядом. По-лошадиному подрагивая коленями, стоял перед нею Джо.

— Ты от Люси получила письмо? — спросил у сестры Фред Генри.

— На той неделе, — равнодушно уронила она.

— И что она пишет? Ответа не последовало.

— Зовет к себе пожить? — допытывался Фред Генри.

— Говорит, если захочу — пожалуйста.

— Тогда давай, чего же лучше. Напиши, что приедешь в понедельник.

Мейбл не ответила.

— Ну, что — значит, так тому и быть? — сказал Фред Генри, начиная терять терпение.

Она опять промолчала. В комнате наступила гнетущая, раздраженная тишина. Малькольм глуповато ухмыльнулся.

— Решай, времени тебе осталось — до следующей среды, — громко сказал Джо, — а не то окажешься на панели.

Лицо девушки потемнело, но она не разомкнула губ.

— А вот и Джек Фергюссон, — воскликнул Малькольм, бесцельно глазающий в окно.

— Где? — громко воскликнул Джо.

— Да вон пошел.

— К нам?

Малькольм вытянул шею, чтобы увидеть калитку.

— Да, — сказал он.

Все притихли. Мейбл сидела во главе стола, точно приговоренная к смерти. Затем послышалось, что кто-то свистнул на кухне. Собака, вскочив, залилась лаем. Джо открыл дверь и крикнул:

— Входи!

Через минуту в столовую вошел молодой человек. Пальто на нем было наглухо застегнуто, шея обмотана шерстяным лиловым шарфом, твидовая кепка, которую он не снял при входе, нахлобучена на самые уши. Он был среднего роста с продолговатым бледным лицом и усталыми глазами.

— Здорово, Джек! Привет, Джек! — Встретили его радостными возгласами Малькольм и Джо. Фред Генри сказал только:

— Джек!

— Как дела? — спросил гость, явно обращаясь к Фреду Генри.

— Все так же. До среды обязаны выехать. Ты что, простудился?

— Простудился — да еще как!

— Почему не сидишь дома?

— Дома? Это я-то? Когда ноги держать не будут, тогда, может быть, и представится такой случай. — Молодой человек говорил охрипшим голосом. У него был легкий шотландский акцент.

— Забавно, честное слово, — шумно веселился Джо, — врач разгуливает, весь охрипший от простуды! Горе теперь больным, правда?

Молодой врач смерил его долгим взглядом.

— А что, тебе тоже нездоровится? — насмешливо спросил он.

— Вроде нет. Лопни твои глаза, только этого не хватало! С чего ты взял?

— Да ты так заботишься о больных, я и подумал, уж не заболел ли сам.

— Нет, черт подери, никогда я не лечился у этих проклятых врачей, и бог даст, никогда не придется, — ответил Джо.

В этот момент Мейбл встала из-за стола и все вспомнили вновь о ее существовании. Она начала собирать со стола грязную посуду. Молодой врач посмотрел на нее, но ничего ей не сказал. Он так и не поздоровался с нею. Все с тем же безучастным видом она взяла поднос и вышла из

комнаты.

— Так когда же вы все уезжаете? — спросил врач.

— Я — поездом в одиннадцать сорок, — сказал Малькольм. — А ты, Джо, на двуколке?

— Да. Я ведь, кажется, говорил тебе, что поеду на двуколке.

— Тогда пошли закладывать. Ну, бывай, Джек, небось не увидимся больше до моего отъезда, — сказал Малькольм, пожимая ему руку.

Он вышел; за ним, заметно присмирив, вышел Джо.

— Ах ты дьявол! — вырвалось у врача, когда они с Фредом Генри остались одни. — Значит, к среде тебя уже здесь не будет?

— Так решено, — отозвался Фред Генри.

— И куда ты — в Нортгемптон?

— Туда.

— Дьявольщина! — тихо выругался Фергюссон. Оба помолчали.

— Ты что, все сборы уже закончил?

— Более или менее. Опять последовала пауза.

— Ох и скучать я буду по тебе, Фреди, — произнес молодой врач.

— И я по тебе, Джек.

— Чертовски буду скучать, — задумчиво повторил врач.

Фред Генри отвернулся. Нечего было сказать. Вернулась Мейбл и стала убирать со стола последнюю посуду.

— А вы что намерены делать, мисс Первин? — спросил Фергюссон. — Собираетесь, наверное, поехать жить к сестре?

Мейбл устремила на него твердый, опасный взгляд, от которого ему всегда становилось не по себе и его нарочитая непринужденность сменялась замешательством,

— Нет, — сказала она.

— Ну, а что ты в таком случае собираешься делать? Скажи, наконец, что? — с бессильным ожесточением вскричал Фред Генри.

Но она лишь опустила голову и продолжала заниматься своим делом. Сложила белую скатерть, постелила плюшевую.

— Злая сучка — вечно ходит мрачнее тучи, — пробурчал брат.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице в ответ на это; доктор, не отрываясь, с живым интересом следил за ней. Она закончила уборку и вышла из комнаты.

Фред Генри, стиснув зубы, поглядел ей вслед тяжелым, откровенно неприязненным взглядом и желчно поморщился.

— Хоть режь на части, больше из нее звука не вытянешь, — процедил он. Врач неуверенно улыбнулся.

— Но все-таки что теперь с нею будет? — спросил он.

— Убей меня бог, понятия не имею!

Они замолчали. Потом молодой доктор поднялся.

— Так мы увидимся вечером? — спросил он приятеля.

— Ладно, только куда бы пойти? В Джесдейл, что ли?

— Не знаю. С такой простудой... Во всяком случае, я зайду в «Луну и звезды».

— Выходит, пускай Мэй и Лиззи один раз поскучают?

— Вот именно. Если я буду чувствовать себя, как сейчас.

— А-а, все равно.

Друзья прошли по коридору и вместе вышли на заднее крыльцо. Большой дом, покинутый прислугой, стоял безлюдный, опустевший. Позади, за мощенным кирпичом хозяйственным двориком, раскинулась широкая площадка, засыпанная красноватым мелким гравием; справа и слева на нее выходило по конюшне. Дальше, набрякшие от влаги, позимнему темные, простирались поля.

Конюшни, однако, пустовали. Глава семейства, Джозеф Первин, необразованный человек, сумел стать довольно крупным конским барышником. При нем здесь вечно царил суеверия, конюшни ломались от лошадей, одних приводили, других уводили, люди тоже сменялись — перекупщики, конюхи. На кухне было полно прислуги, затем, со временем, дела пришли в упадок. Стремясь их поправить, старый лошадиный женился вторично. Теперь он умер, и все пошло прахом, остались только долги да угрозы кредиторов.

Уже не первый месяц Мейбл управлялась в большом доме одна, без прислуги, пытаясь на жалкие гроши как-то вести хозяйство своих никчемных братьев. Дом держался на ней последние десять лет. Но прежде она не знала недостатка в средствах. Живя среди грубости, невежества, она черпала в деньгах горделивое достоинство, уверенность. Пускай мужчины сквернословили, пускай о женщинах на кухне шла в городке дурная молва, пускай у ее братьев были незаконные дети — неважно. Пока в семье водились деньги, девушка знала, что она — на своем месте, и держалась вызывающе гордо и независимо.

У них никто не бывал, лишь барышники да грубое мужичье. Женского общества Мейбл лишилась с тех пор, как покинула дом ее сестра. Но она не тужила об этом. Исправно ходила в церковь, заботилась об отце. И жила памятью о матери, которую потеряла в четырнадцать лет и нежно любила. Она и отца любила, только иначе — полагаясь на него, чувствуя в нем надежную опору, пока, в пятьдесят четыре года, он не женился второй раз.

Тогда она ожесточилась против него. И вот он умер, оставив их в безнадежных долгах.

Она очень страдала, когда они впали в нищету. И все же ничто не властно было поколебать какую-то звериную, упрямую гордыню, владеющую каждым в этой семье. Теперь — для Мейбл, по крайней мере, — настал конец. Но и теперь она не озиралась по сторонам, ища поддержки. Все равно она поступит по-своему. В любом положении она всегда будет сама решать за себя. Бездумно и упорно, день за днем она несла свой крест. К чему размышлять? К чему отвечать на расспросы? И без того ясно, что это — конец и никакого выхода не существует. Не нужно будет больше сторониться прохожих на главной улице, стараясь никому не попадаться на глаза. Не нужно в каждой лавке сторать от унижения, покупая самые дешевые продукты. Этому настал конец. Она не думала ни о ком, даже о себе. Бездумно и упрямо, она самозабвенно шла навстречу своему конечному предназначению, которое избавит ее от скверны, — шла соединиться с покойной матерью, которая уже обрела избавление.

Ближе к вечеру она сложила в сумку садовые ножницы, губку, ручную жесткую щетку и вышла из дому. Над темной зеленью унылых полей нависло серое небо, в промозгом воздухе стлался черный дым из трубы стоящего неподалеку литейного завода. Быстро, не поднимая глаз, не удостаивая вниманием встречных, Мейбл пошла через весь городок по улице, ведущей на кладбище.

Здесь, словно бы вдали от посторонних взоров, ей было всегда спокойно, хотя на самом деле ее мог видеть всякий, кто проходил мимо кладбищенской ограды. Но все равно — ступив под сень высокой, величественной церкви, среди могил, она была неуязвима, охраняемая от внешнего мира толстой кладбищенской стеной, точно границами особого государства.

Она аккуратно подстригла траву вокруг могилы, убрала жестяной крест бело-розовыми мелкими хризантемами. Покончив с этим, взяла с соседней могилы кувшин, сходила за водой и тщательно, любовно протерла губкой плиту и цоколь мраморного надгробия.

Это занятие дарило ей глубокую отраду. Оно теснее сближало ее с миром покойной матери. Она работала кропотливо, старательно, ходила по кладбищу почти счастливая, как если бы, ухаживая за могилой, вступала с матерью в сокровенную незримую связь. Ибо та жизнь, которую она вела здесь, в этом мире, была для нее призрачной и чуждой в сравнении с миром усопших, унаследованным ею от матери.

Домик врача стоял сразу же за церковью. Фергюссон, нанятый в

помощники к местному доктору, вынужден был по своему положению работать как проклятый, не зная отдыха. Сейчас, спеша на прием к себе в кабинет, он мимоходом окинул взглядом кладбище и увидел девушку. И словно заглянул в иной мир — так поглощена она была своим занятием и далека от действительности. Фергюссон ощутил сопричастность некоему таинству. Глядя на нее как зачарованный, он замедлил шаги.

Она почувствовала его взгляд и подняла голову. Их глаза встретились. И тотчас оба взглянули друг на друга опять, с таким ощущением, будто невзначай открыли друг в друге что-то новое. Он приподнял кепку и зашагал дальше. В сознании его нестираемой картиной запечатлелось ее лицо в ту минуту, когда она оторвалась от надгробного камня и медленно подняла на него зловещие большие глаза. Да, оно было зловещим, ее лицо. Оно как будто завораживало его. Тяжкая сила была в ее глазах, и он покорился ей всем своим существом, точно отведал дурманного зелья. До сих пор он чувствовал себя вялым, разбитым. Теперь жизнь снова прихлынула к нему, оттесняя с души постылое бремя повседневных забот.

В приемной он постарался отпустить больных как можно быстрее, проворно разливая по пузырькам дешевую микстуру для заждавшихся пациентов. Потом, ни секунды не мешкая, заторопился к больным на другом конце города, которых ему еще оставалось обойти до вечернего чая. Какая бы ни стояла погода, он по возможности предпочитал ходить пешком, особенно когда нездоровилось. Он верил, что движение ему на пользу.

Вечерело. Тяжело сгущались над землей ненастные, глухие сумерки, сырость и холод мало-помалу пробирал до костей, сковывая тело и душу тяжелым оцепенением. Да и о чем было задумываться, на что смотреть? Фергюссон торопливо поднялся на пригорок и свернул на усыпанную черным шлаком дорожку, ведущую через темно-зеленые поля. В отдалении, за неглубокой ложбиной, ворохом остывающей золы сгрудился городок: часовая башня, шпиль ратуши, горсточка убогих, приземистых, неприветливых домов. А на ближней его окраине спускалась в ложбину Старая поляна, усадьба Первинов. Конюшни и сараи, рассыпанные по встречному косоугору, были видны как на ладони. Да, отныне ему уж не захаживать сюда так часто! Еще одна потеря — утрачен тот единственный приют, где можно было отвести душу, единственные люди, с которыми он подружился в этом чужом, невзрачном городишке. Работа, и больше ничего: нескончаемая, нудная беготня из дома в дом, по шахтерам, литейщикам. Работа изматывала его, но в то же время он испытывал в ней ненасытную потребность. Бывать в домах у рабочих людей, вторгаться,

можно сказать, в самую сердцевину их жизни — в этом был свой азарт. Это приятно будоражило его. Так тесно соприкасаться с простыми, неотесанными, способными на сильные страсти мужчинами и женщинами, входить прямо в гущу их жизни! Он ворчал, он жаловался, что ему опостылела эта поганая дыра. На самом же деле общение с простыми, подвластными необузданным чувствам людьми будоражило его наподобие сильного возбуждающего средства.

Пониже Старой поляны, в зеленом, размытом дождями овражке лежал среди полей глубокий квадратный пруд. Зоркий глаз врача, скользя по окрестности, заметил, что за ворота на выгоне вышел кто-то в черном и направился к пруду. Он пригляделся. Похоже, это была Мейбл Первин. Доктор тотчас насторожился.

Зачем ей туда понадобилось? Он остановился на сбегающий под уклон дорожке и стал наблюдать. Лишь с трудом удавалось ему различить, как движется вглубь предвечерней тени черная фигурка. Тьма обступила ее так плотно, что он, подобно ясновидящему, скорее улавливал ее мысленным взором, а не обычным зрением. Впрочем, ее было все-таки видно, если как следует сосредоточиться. Он понимал, что стоит отвлечься, и он окончательно потеряет ее в ненастных, густеющих с каждой минутой сумерках.

Напрягая глаза, он следил, как она идет к пруду напрямик через поле быстрой, четкой походкой, точно движимая не собственной волей, а чужой. На берегу секунду задержалась, но так и не подняла головы. И медленно вошла в воду.

Он застыл. Медленно, неуклонно серая фигурка продвигалась к середине пруда: очень медленно, постепенно погружаясь в стоячую воду, уходила все дальше, забрела уже по грудь. Вот ее уже больше не разглядеть в глухих, гнетущих потемках.

— Фу ты! — вырвалось у него. — Да что же это такое?

Он сорвался с места и ринулся по сырым, насыщенным влагой полям, не разбирая дороги, продираясь сквозь живые изгороди, вниз в равнодушную холодную темноту. Через несколько минут он очутился у пруда и стал на берегу, тяжело дыша. Ничего не видно. Глаза его силились проникнуть в толщу безжизненной воды. Да, наверное, это ее черная одежда выделяется темным пятном на поверхности.

Он неуверенно ступил в пруд. На топком дне глубоким слоем лежал рыхлый ил; он увяз, и вода смертельным холодом сомкнулась вокруг его ног. При малейшем движении гнилой и холодный ил вставал со дна, распространяя зловоние. Оно наполняло его легкие. Превозмогая

брезгливость, он зашел глубже. Холодная вода поднялась ему по бедра, затем по пояс, подбираясь к ребрам. Отвратительная ледяная стихия поглотила всю нижнюю часть его тела. И потом, это вязкое, ненадежное дно, оступишься — вода попадет тебе в рот. Плавать он не умел, и ему было страшно.

Присев, он развел под водою руками и поводил ими вокруг, пытаясь нашарить девушку. Холодный, безжизненный пруд колыхался у его груди. Он шагнул чуть глубже, опять пошарил вокруг под водой и коснулся ее одежды. Но она ускользнула у него из-под пальцев. Он рванулся следом, пытаясь схватить ее.

Рванулся — и потерял равновесие, полетел с головой в гнилую, затхлую жижу, захлебнулся, глотая эту дрянь, отчаянно барахтаясь. Через несколько мгновений, долгих, как вечность, он наконец прочно стал на ноги, выпрямился и огляделся. Перевел дух, убеждаясь, что цел и невредим. Посмотрел на воду. И увидел ее — она всплыла на поверхность совсем рядом. Он ухватил ее за платье, подтянул ближе и повернул с нею назад к берегу.

Он брел потихоньку, осторожно, обдумывая каждый шаг. Потихоньку выходил на мелкое место, выбираясь из воды. Она уже доставала ему только до лодыжек, и он повеселел, с огромным облегчением чувствуя, что вырвался из цепких лап пруда. Поднял девушку и, шатаясь, ступил на берег, прочь из зловещего, илистого, мокрого плена.

Он положил ее на землю. Она лежала без чувств, как неживая, с нее струилась вода. Он перевернул ее — вода хлынула у нее изо рта, — потом принялся делать ей искусственное дыхание. Ему пришлось трудиться не так уж долго, она вздохнула раз, другой и задышала. Он удвоил свои усилия, ощущая, как она оживает у него под ладонями, возвращается к жизни. Он отер ей лицо, укутал ее в свое пальто, окинул взглядом мир, погруженный в сизую мглу, и, подняв девушку с земли, неверными шагами побрел с берега через выгоны.

Дорога казалась невообразимо долгой, ноша была так тяжела, что он уже не чаял добраться до усадьбы. Наконец он все-таки очутился на конюшем дворе, а там и на мощенном дворике. Открыл дверь, вошел в дом. На кухне он положил ее на коврик перед камином и крикнул хозяев. Никто не отозвался. Однако за каминной решеткой горел огонь.

Тогда он снова опустился на колени и склонился над девушкой. Она дышала ровно, с широко открытыми глазами, и как будто очнулась, но было в ее взгляде какое-то отсутствующее выражение. Она пришла в себя, но еще не воспринимала окружающее.

Фергюссон взбежал по лестнице наверх, стащил с одной из кроватей одеяла и расстелил их у огня, чтобы согрелись. Потом снял с нее насквозь промокшую, воняющую затхлым одеждоу, досуха растер ей все тело полотенцем и, раздетую, завернул в одеяло. Пошел в столовую взглянуть, не найдется ли там спиртное. Нашлась бутылка с остатками виски. Он' наспех глотнул сам и ей тоже влил в рот несколько капель.

Это подействовало сразу. Она взглянула ему прямо в лицо, так, словно видела его и раньше, но только теперь узнала.

— Доктор Фергюссон?

— Что? — отозвался он.

Он стягивал пиджак, надеясь, что отыщет для себя наверху сухую одеждоу. Запах гнилой, илистой воды был нестерпим, к тому же он всерьез опасался заболеть.

— Что это я сделала? — спросила она.

— Забрели в пруд. — Его трясло, как в ознобе, он с трудом заставлял себя вникать в смысл ее слов. Она не сводила с него глаз, от этого мысли у него мешались, и он отвечал ей беспомощным взглядом. Дрожь, сотрясающая его, немного утихла, жизнь с новой силой прихлынула к нему из неведомых, темных глубин его существа.

— Я что, лишилась рассудка? — спросила она.

— Возможно, на какое-то время. — К нему вновь вернулась сила, а с нею вернулось и спокойствие. Тревожная, странная неловкость покинула его.

— Я и сейчас не в своем уме?

— Сейчас? — Он на миг задумался. — Нет, — честно ответил он. — Я не нахожу. — Он отвернулся, избегая ее взгляда. Теперь на него напала робость, в голове стоял туман — он смутно догадывался, что она сейчас превосходит его своею властью. А она все смотрела и смотрела на него в упор. — Вы не скажете, где мне найти для себя что-нибудь сухое?

— Вы ныряли за мной в пруд? — спросила она.

— Нет, шел по дну. Правда, разок пришлось окунуться с головой.

Наступило короткое молчание. Фергюссон замялся. Ему ужасно хотелось пойти наверх и переодеться в сухое. Но было в нем и иное желание. Ее взгляд удерживал его, не отпускал. Он словно лишился воли и был способен только беспомощно топтаться на месте. Но изнутри его согревало тепло. Дрожь окончательно унялась, хотя на нем сухой нитки не было.

— Зачем вы это сделали? — спросила она.

— Не мог же я допустить, чтобы вы совершили такую глупость.

— Это не глупость. — Она лежала на полу, с диванной подушкой под головой, и по-прежнему не сводила с него глаз. — Так надо было. Мне лучше знать.

— Пойду сниму с себя мокрое, — сказал Фергюссон.

Но, пока она его не отпустила, он был бессилён сдвинуться с места. Как будто она держала в руках его жизнь, и он не мог высвободиться. Или, может быть, не хотел.

Вдруг она порывисто села. До нее вдруг дошло, в каком она виде. Она почувствовала одеяла, ощутила свои обнаженные руки и ноги. Ей почудилось на мгновение, что она и в самом деле теряет рассудок. Она огляделась, дико блуждая глазами, словно что-то искала. Он замер в страхе. Она увидела свои раскиданные по полу вещи.

— Кто меня раздел? — спросила она, впиваясь ему в лицо немигающим, неотвратимым взглядом.

— Я, — отозвался он. — Чтоб привести вас в чувство.

Она затихла на миг, вперив в него ужасный взгляд, приоткрыв рот.

— Значит, вы любите меня?

Он лишь стоял и смотрел на нее, точно заколдованный. Душа в нем растаяла.

Она подползла к нему на коленях и обвила его руками, обняла его ноги, прижимаясь грудью к его коленям и бедрам, держа его с непостижимой и судорожной уверенностью, прижимая к себе его бедра, плотнее притягивая его к своему лицу и горлу, глядя на него вверх горящими и смиренными глазами, преображенная, торжествующая в восторге первого обладания.

— Вы меня любите, — иступленно лепетала она с тоской и торжеством, с непостижимой убежденностью. — Любите. Вы любите меня, я знаю, знаю.

И страстно целовала его живот сквозь мокрую ткань, осыпала страстными поцелуями его колени, ноги, все подряд, не разбирая.

Он глядел сверху вниз на спутанные мокрые волосы, на животную плоть оголенных в неистовстве плеч. Он был озадачен, изумлен, испуган. Он никогда не помышлял о том, что может ее любить. Никогда не хотел любить ее. Когда он вытаскивал ее из воды и приводил в сознание, он был врач, она — пострадавшая, и только. Ничто личное не закрадывалось к нему в голову. Напротив — это вторжение личного претило ему до чрезвычайности, как нарушение врачебной этики. То, что она обнимала его колени, было неприлично, непристойно. Все существо его противилось этому, решительно и бурно. И между тем — между тем ему не доставало

духу вырваться.

Она опять устремила на него взгляд, полный той же молящей, безмерной любви, того же невыразимого, страшного, сияющего торжества. Мягкий свет исходил от ее лица, и пред этим сиянием он был бессилен. А ведь он никогда не собирался ее любить. Никогда. И что-то в нем упорно этому сопротивлялось.

— Вы меня любите, — в упоении, с глубокой верой повторяла она. — Вы любите меня.

Она тянула его ниже, привлекая к себе. Это отпугивало его, отчасти даже коробило. Ведь он действительно вовсе не помышлял ни о какой любви. А она все тянула к себе. Ища опоры, он выставил вперед руку и ухватился за ее голое плечо. И точно пламя обожгло ладонь, сжимающую мягкое плечо. У него в мыслях не было ее любить, вся его воля противилась этому. А между тем сладостно было прикосновение к ее плечу, прекрасен свет, озаряющий ее лицо. Может быть, она и правда сошла с ума? Ему жутко было ей уступить. Но что-то в нем тянулось ей навстречу.

Он упорно смотрел мимо нее, на дверь. Но по-прежнему держал руку у нее на плече. Внезапно она притихла. Он перевел на нее взгляд. Теперь ее глаза расширились от страха, от сомнения, свет на лице у нее угасал, мрак опять наползал на него зловещей тенью. Осязая на себе вопрошающие, прикованные к нему глаза, видеть, как проступает за вопросом лик смерти, — этого он не мог вынести.

С безмолвным стоном он сдался, дал волю ноющему сердцу. Ласковая улыбка вдруг вошла на его лице. И глаза, неотрывно прикованные к нему, медленно, очень медленно наполнились слезами. Он следил, как, подобно медлительному роднику, взбухает, наполняя ее глаза, странная влага. Сердце, казалось, горело и таяло у него в груди.

Глядеть на нее сделалось выше его сил. Он упал на колени, обхватил ее голову, прижал к себе. Она не издала ни звука. У него разрывалось сердце, жгло ему грудь неведомой мукой. Он чувствовал, как, одна за другой, каплют ему на шею горячие слезы. И не мог шелохнуться.

Он чувствовал, как ему на шею падают ее горячие слезы, собираясь в ямке у ключиц, и не шевелился — время для него остановилось. Только теперь ему стало важней всего на свете, чтобы к нему тесно прижималось это лицо, невозможно стало выпустить ее из рук. Невозможно выпустить из тесного кольца рук эту голову. Пусть это длится вечно, пусть сердце вечно разрывается от боли, в которой для него отныне вся жизнь. Сам того не замечая, он смотрел на ее влажные, мягкие каштановые волосы.

Потом, как-то сразу, уловил знакомый тошнотворный запах тухлой

воды. В тот же миг девушка отстранилась и взглянула на него. В непроницаемой глубине ее глаз стояла тоска. Он и страхе кинулся целовать ее, сам не понимая, что делает. Только бы исчезло из ее глаз это пугающее, непроницаемое, тоскливое выражение.

Когда она опять подняла к нему лицо, на нем рдел тонкий, мягкий румянец, и опять грозным сиянием занималась в ее глазах радость, наводящая на него ужас, но теперь он жаждал видеть ее, ибо еще ужасней было видеть в ее глазах сомнение.

— Вы любите меня? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Да. — Ему стоило мучительного труда выговорить это слово. Не потому, что он сказал неправду. А потому, что правда была чересчур новой и сказать о ней вслух было все равно, что еще раз полоснуть острым по его кровоточащему сердцу. И потом, даже теперь он не слишком хотел, чтобы это было правдой.

Она обратила к нему лицо, и он, склонясь, поцеловал ее в губы, нежно, как целуют однажды в жизни, давая клятву навек. И опять сердце больно сжалось у него в груди. Ведь он совсем не собирался любить ее. Но вспоминать об этом было поздно. Он уже перешагнул через пропасть, разделяющую их, и все, что оставалось позади, съезжилось и рассыпалось прахом.

После поцелуя глаза ее опять медленно налились слезами. Отстранясь от него, она сидела как изваяние, поникнув головой, сложив руки на коленях, и медленно роняла слезы. Наступила полная тишина. Он тоже молчал, неподвижно сидя на каминном коврике. Непонятная боль разрывала ему сердце, захлестывала его. Чтобы он мог полюбить ее? Чтобы вот так разрывалось сердце? И это у него, врача! Как осмеяли бы его все, если б узнали! Какая пытка даже подумать, что об этом могут узнать!

Содрогаясь от непонятной, острой боли при этой мысли, он опять посмотрел на нее. Она по-прежнему сидела, склонив голову в раздумье. Он увидел, как вскипели слезы, и сердце ему ожгло огнем. Он впервые заметил, что с одного плеча у нее совсем сползло одеяло, одна рука обнажилась, виднелась одна маленькая грудь — неясно, потому что в комнате почти совсем стемнело.

— Почему ты плачешь? — спросил он изменившимся голосом.

Она глянула на него, и впервые на лице у нее проступила сквозь слезы краска стыда от сознания, что она сидит перед ним в таком виде.

— Я не плачу, это я так, — сказала она, боязливо наблюдая за ним.

Он потянулся вперед, и пальцы его мягко сомкнулись на ее голой руке.

— Я люблю тебя! Люблю тебя! — сказал он грудным, трепетным,

низким, неузнаваемым голосом.

Она отпрянула, потупив голову. Мягкое, настойчивое пожатие его пальцев тяготило ее. Она подняла на него глаза.

— Мне нужно сходить наверх, — сказала она. — Хочу достать для вас что-нибудь сухое.

— Зачем? Мне и так хорошо.

— Так нужно. И я хочу, чтобы вы переоделись.

Он выпустил ее руку, и она натянула на себя одеяло, поглядывая на него испуганно. Но вставать медлила.

— Поцелуйте меня, — тихонько попросила она.

Он поцеловал ее, но быстро, полусердито.

Тогда, помедлив еще секунду, она неловко поднялась, путаясь в одеяле. Он следил, как она в замешательстве силится высвободиться и запахнуть на себе одеяло так, чтобы оно не мешало при ходьбе. Следил в упор, не трогаясь ее смущением. А когда она пошла прочь, мелькая босыми ногами, и в темноте забелело ее колено, он попытался вообразить ее такой, какой она была, когда он укутывал ее в одеяло. Но сразу отказался от этой попытки, потому что тогда она ничего для него не значила, и все в нем воспротивилось тому, чтобы воображать ее такой, как в те минуты, когда она ничего не значила для него.

Что-то с глухим стуком упало в глубине темного дома; он вздрогнул. «Вот, возьмите одежду», — послышался ее голос. Он встал и, подойдя к подножию лестницы, поднял брошенные ею вещи. Потом вернулся к огню, досуха вытерся и оделся. Одевшись, он оглядел себя с насмешливой улыбкой.

Огонь догорал, и он подложил в камин угля. Теперь в доме стало совсем темно, только слабый свет уличного фонаря пробивался внутрь сквозь ветви остролиста. Он нашел на каминной доске спички и зажег газовую лампу. Свою влажную одежду он свалил в кучу в посудомойке, опорожнив сперва карманы. Ее насквозь промокшие вещи бережно подобрал с пола и сложил отдельно на крышке медного котла.

Каминные часы показывали шесть. Его собственные давно стали. Пора было бежать назад в приемную. Он подождал; она все не спускалась. Наконец он подошел к лестнице и крикнул:

— Я скоро должен уходить!

И почти сразу услышал, как она сходит вниз по ступенькам.

Она надела вуалевое черное платье — свой лучший наряд, тщательно причесалась, хотя волосы у нее еще не высохли. Оглядела его и невольно улыбнулась.

— Не красит вас эта одежда, — сказала она.

— На пугало похож, правда?

Оба старались побороть застенчивость.

— Я приготовлю вам чаю.

— Нет, мне надо идти.

— Неужели? — Она опять взглянула на него широко открытыми, полными тоски и сомнения глазами. И опять, по той боли, которой отозвался этот взгляд в его сердце, он понял, что любит ее. Он шагнул к ней, нагнулся и поцеловал ее страстно, вложив в поцелуй всю боль своего сердца.

— Волосы у меня так противно пахнут, — сокрушенно пролепетала она. — Ужас! И все у меня ужасное, все! Нет, я просто ужасна! — Она расплакалась горько, навзрыд. — Я вам противна, меня нельзя любить.

— Не надо, не говори глупости, — сказал он, стараясь ее утешить, целуя ее, обнимая крепче. — Я хочу тебя, хочу на тебе жениться, мы поженимся, скоро, очень скоро — завтра же, если удастся.

Но она только зарыдала еще горше:

— Какой ужас! Боже мой, какой ужас! Я чувствую, что противна тебе.

— Нет, ты нужна мне, я хочу тебя, — твердил он в беспамятстве неузнаваемо чужим голосом, который пугал ее едва ли не сильнее, чем пугала страшная мысль, что она может быть ему не нужна.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)